

ный памятник Киевской дружинной Руси». Несмотря на то, что труд этот остался незаконченным, значение его велико: он как бы подводил итоги тому, что было сделано более чем за 80 лет изучения памятника. Соответственно с этим взгляд Барсова на вступление был по существу именно той точкой зрения, к которой пришли исследователи в результате почти столетнего труда. Эта точка зрения сводилась к следующему.¹

Во вступлении ставился вопрос стиля, «склада» произведения. Автор замыслил создать песнь, песенная форма делает его произведение однородным со «старыми словесами» и произведениями Бояна. Но автор чувствует себя бессильным создать такое же произведение, как и Боян, уступая ему, во-первых, «в области творческого материала», так как песнотворчество Бояна «захватывало слишком широкое поле событий и времен»; во-вторых, «в широте творческих приемов», так как «существенными чертами боянского песнотворчества были именно широкие полеты фантазии, быстрые переходы от одного момента действия к другому»; в-третьих, «в качестве творческих созданий», так как «песнотворчество (Бояна, — В. С.) было не обычное, не человеческое, вдохновенное», в его произведениях была «идеальная стройность» композиции. Автор «находит себя вынужденным следовать требованиям повествования своей литературной эпохи и начать свою песнь с положительной действительности, прямо с исторических фактов, по былям сего времени, подчиняясь новым требованиям исторического повествования». Именно в этом смысле «автор, в самом начале наименовав „Слово“ свое песнию, затем, переходя к самому повествованию, называет его уже повестью».

Барсов разобрал вступление более подробно и обстоятельно, чем это делали до него. Его точка зрения в общих своих чертах остается господствующей и до сегодняшнего дня.

Исключение представляет, может быть, один Келтуяла, который в 1928 году издал текст и перевод «Слова» с собственной объяснительной статьей и комментариями. О вступлении он писал следующее: «Во вступлении к своему произведению автор сам отчетливо заявляет: ... свое Слово он скажет не „по замыслению“ Бояна, который в обрисовке автора выступает как великий певец — изобразитель подвигов князей, а „по былинам“ своего времени, т. е. на современном автору материале и на основании задач текущего момента».² Таким образом, по мнению Келтуялы, противопоставление автором себя Бояну основано на сравнении самого «материала» повествования, двух исторических (а не литературных) эпох, основано на различии стоявших перед певцами задач. У Бояна — рассказ о подвигах, у автора «Слова» — о неудачном походе. Сам «материал» заставил автора отказаться от попытки следовать «замыслению Бояню». Такая точка зрения перекликается с точкой зрения Н. С. Тихонравова, о которой мы уже говорили, и так же, как и та, осталась без внимания последующих ученых и переводчиков.

Сегодняшние исследователи, как и 70 лет назад, при Барсове, считают, что во вступлении автор размышляет только о стиле, его интересует форма сама по себе, форма как таковая.

«„Слову о полку Игореве“ автор предпослал небольшое вступление, и, прямо не связанное с дальнейшим изложением, оно занимает в составе „Слова“ вполне самостоятельное место и легко выделяется даже при беглом просмотре текста.

¹ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., т. II, 1887, стр. 3—5.

² В. А. Келтуяла. Слово о полку Игореве. М., 1928, стр. 71.